

ВЫСТАВКИ

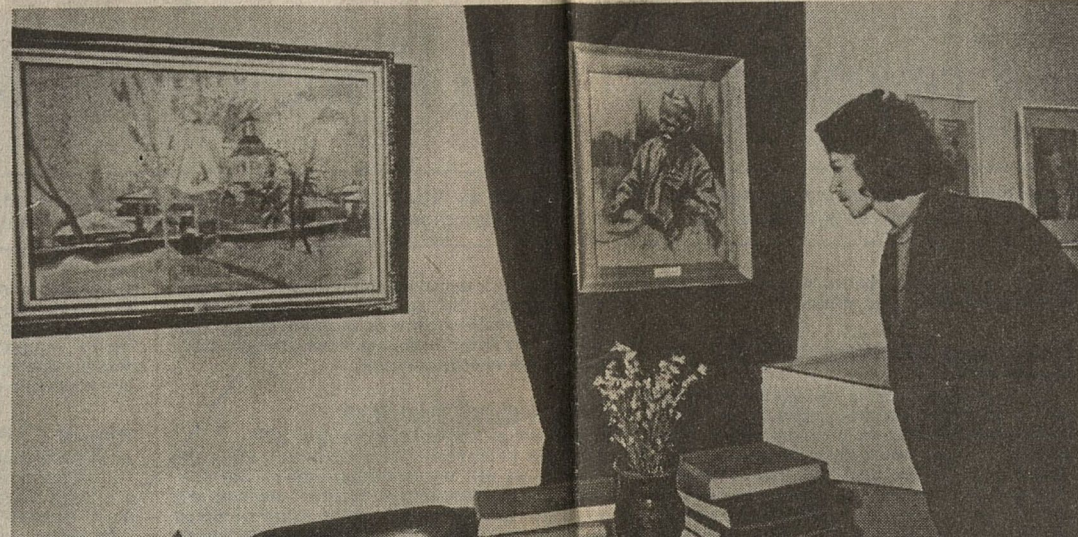
От хутора Кружилина — до станицы Вёшенской

В Государственном Литературном музее на Петровке открыта выставка к 90-летию со дня рождения Михаила Александровича Шолохова — кусочек донской земли, с ее вольным степным разнотравьем, перенесенный в каменные, даже летом холодные стены московских нарышкинских палат. Цель выставки — показать нам (ведь не так просто — взять и махнуть на Дон), что же такое Государственный музей-заповедник М.А.Шолохова. Организованный в 1984 году, он «составлен» из мемориальных домов-музеев на хуторе Кружилине, в станице Каргинской и Вёшенской. Может быть, из-за того, что все-таки невозможно привезти в Москву самое главное — зеленую ковыльную, цветущую в мае степь да свежий ветер с Тихого Дона, на выставке так много цветастых пейзажей из заповедных мест. Точнее всего, однако, ощущение от этих мест передают не специально написанные пейзажи, а две почти однотонные акварельные иллюстрации к «Тихому Дону» Юрия Реброва. О природе донского края рассказывает и охотничий уголок (заповедная ландшафтная зона музея — это более 30 тысяч гектаров леса) — здесь фотографии Шолохова-охотника, его охотничья сумка, чехол для ружья, подсадная утка — классический атрибут охоты...

Музейные витрины следуют по кругу: хутор Кружилина, где 24 мая 1905 года родился писатель. Фотографии родителей — отца Александра Михайловича, работавшего по найму, разделяя участь «иногородних» жителей Дона; он арендовал землю у казаков, был скучником скота, вел мелкую торговлю. В экспозиции — вещи из его жизни с лежачими на них сазарскими головами. И матери Анастасии Даниловны из семьи бывших крепостных, переселенцев из Черниговской губернии.

Следующая витрина — станица Каргинская. В 1910-м в хутор Каргинский переехала семья будущего писателя. А в 20-е годы Шолохов работал здесь в «стан. ревкоме», участвовал в ликвидации населения, был учителем по ликвидации неграмотности. Именно в Каргинской началась его творческая жизнь: на выставке — тетрадь с письмом «Необыкновенный день», написанной для местного дружка (список суфлера Зыкова). В Каргинском Шолохов пишет первые рассказы.

Центр выставки — рассказ о станице Вёшенской, где были написаны «Тихий Дон» и «Поднятая целина». В экспозиции — страница рукописи знаменитого романа, страничка «Поднятой целины», фотографии Харлампия Ермакова, военная биография которого отражена в жизни Григория Мелехова, и копия письма к нему от 6 апреля 1926 года с просьбой предоставить «некоторые дополнительные сведения относительно эпохи 1919 года», касающиеся «мелочей восстания В.-Донского». В Вёшенской писатель и похоронен. На сером камне в яблоневом саду всего одно слово — Шолохов. А в выставочной витрине — металлический календарь из кабинета писателя, «остановленный» на дне его смерти — 21 февраля 1942 года.

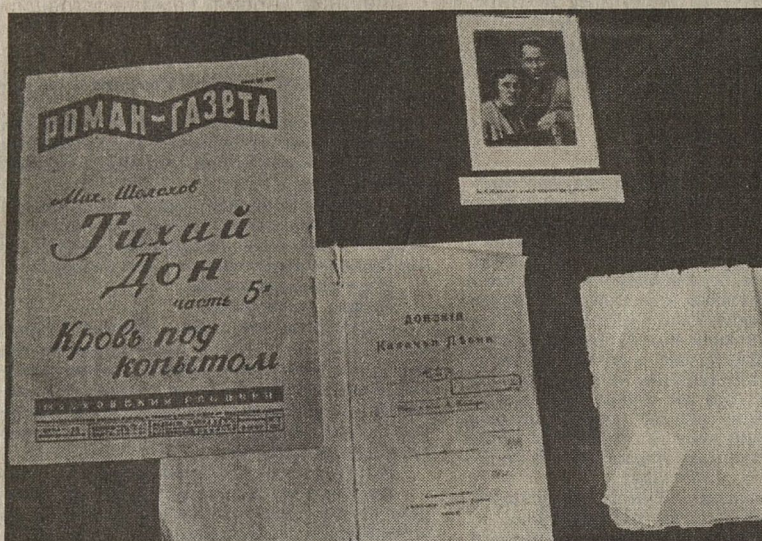
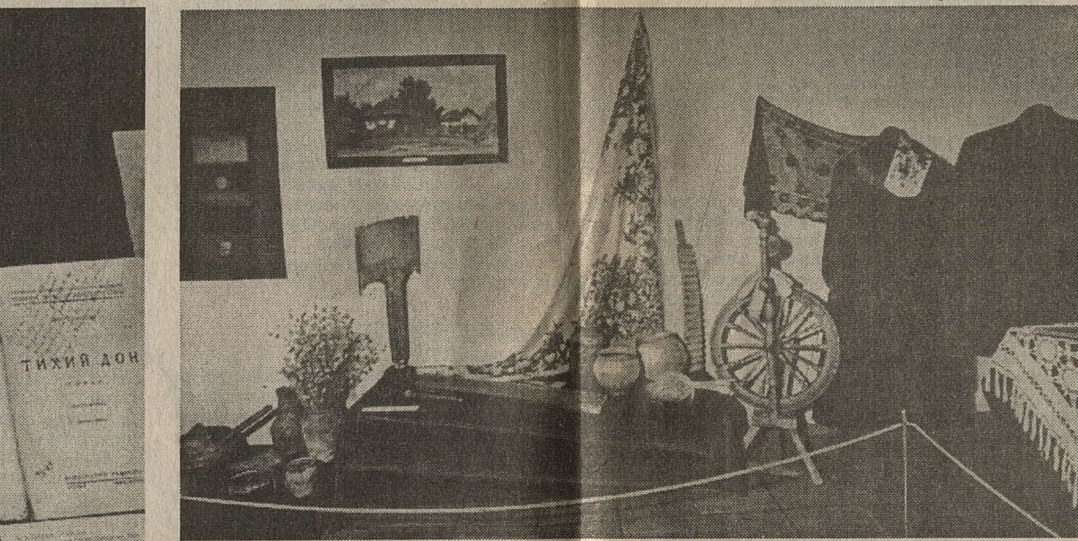

Писатель и власть — тема, дающая бесконечную перспективу для исследователей творчества советских писателей. И на шолоховской выставке — свежие материалы из президентского архива. Под стеклом папка под грифом «совершенно секретно» — «Переписка Сталина И.В. с Шолоховым М.А. Начато 16 января 1931 г., окончено 3 января 1950 г.». О чем? Вот перечень тем: «О состоянии животноводства в северных районах Дона, положении в Вёшенском и Верхне-Донском районах и об оказании им продовольственной помощи; о результатах проверки письма Шолохова М.А. о необоснованных арестах отдельных лиц и его травле, об ошибках, допущенных в романе «Тихий Дон», о приеме и по др. вопросам». Здесь же — страница письма Шолохова Сталину от 16 февраля 1938 года с просьбой реабилитировать друзей-районщиков, и рядом — фотография Шолохова со старшими товарищами.

Музей — это не только экспонаты, это еще и жизнь вокруг них. Свидетельства такой жизни — предметы казачьего быта, книги по истории казачества, старинные сборники песен, которые, кстати, продолжают записывать музейщики. При музее организован казачий хор, певший и на открытии юбилейной выставки в Москве.

Н.ИВАНОВА-ГЛАДИЛЬЩИКОВА

Фото Александра КАРЗАНОВА

“ПРИ ИМЕНИ Пушкина, — заметил Гоголь, — тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте”.

При упоминании Шолохова всплывают обычно толки о плагиате.

Конечно, никому и в голову не приходило покушаться на авторство его ранней прозы. Сыр-бор задумался с появлением «Тихого Дона».

Востокский оруженосец Шолохова, почитаемый Константином Прийма, обшарив местную периодику, вычислил-таки злоумышленника, с подачи которого, стало быть, «все и началось». Ну кто же в самом деле вспомнил бы о поразительной молодости автора «Тихого Дона», если бы не вероломство сотрудника краевой газеты «Молот», «критика-рапповца» Ю. Юзовского? Это он, змей, 11 декабря 1928 года ухитрился «виннуть в печать» свою коварную заметку о литературном вечере двух Михайлов — Шолохова и Светлова, тоже, кстати сказать, рапповцев. Весь ее криминал, разумеется, искусно замаскирован под апологетику, содержался уже в первом абзаце. Им, правда, и исчерпывался. Вот — пожалуйста: «Михаил Шолохов — большая наша удача. «Тихий Дон» — событие. Не повесть, не роман, а нечто новое, грандиозное явление о людях и делах, о человеческих страстях, о трудовом поте, о любви и смерти, о войне, революции. И такой размах — в двадцать три шолоховских года!»

Не настало ли прозе и беспечен, оказывается, был молодой критик Ю. Юзовский, чтобы недумсмысленно облечь в слова свое «клеветническое сомнение» в авторстве Шолохова. Но и маститый К. Прийма тоже не лыком шит. Чтобы донага разоблачить виновника темных слухов о плагиате, ему вполне хватило... знаков препинания. Безобидная для разны комбинация восклицательного знака с вопросительным в немигающих глазах патентованного шолоховедца потянула на открытую диверсию.

Должно быть, огромная страна жадно припала к скромной газетной заметке ростовского разлива, упиваясь любимым советским занятием — чтением между строк, раз уж, по свидетельству А. Серафимовича, «подлая клеветническая сплетня» — украденной рукописи «поползла буквально по всему Союзу». Встретивший Шолохова кинулся в Москву просить о защите. И собравшая по РАППу разном и круто за него вступившая, 29 марта 1929 года тот же А. Серафимович купил с Л. Авербахом, В. Кирилоном, А. Фадеевым и В. Ставским напечатать сокрушительную отповедь «клеветникам и сплетникам», привычно обвинив их — чего там мелочиться! — в покушении аж на диктатуру пролетариата. И напечатала отнюдь не в провинциальной «Молоте», а во всеильной центральной «Правде».

«...Врагами пролетарской диктатуры, — рубили они наотмашь, — распространяется зловещая клевета о том, что роман Шолохова является якобы плагиатом с чужой рукописи...» Хорошо, что К. Прийма сделал свое сенсационное открытие в области пунктуации много лет спустя. Иначе бедняга Ю. Юзовский тут же обернулся бы для родимой пролетарской диктатуры врагом номер один со всеми вытекающими отсюда прискорбными последствиями.

А еще позже Лев Колондний как назло разыскал и опубликовал давние заметки Евгения Левницкого, пользовавшегося беззастенчивым расположением Шолохова. В разное время он надписывал ей новые издания «Тихого Дона» — то «с большой благодарностью и с еще большим уважением» (1929), то «с искренней любовью и радостью» (1937), то просто «с сыновней любовью» (1954); при живой матери попросился называть ее «дорогой мамулей»;

лит. газета. — 1995. — 24 мая. — с. 6.

Заложник «Тихого Дона»

наконец, посвятил Евгению Григорьевичу рассказ «Судьба человека» (1956). И она, чья преданность Шолохову вне сомнений, спокойно объявляет общим местом именно то, в чем К. Прийма угнетал потом фирменную диверсию Ю. Юзовского. «Тихий» Д<он>» — вызвал толки о личности писателя, — по горячим следам набрасывает Е. Левницкая. — Всем казалось странным, почти невероятным, что такой молодой писатель мог дать такую зрелую, продуманную вещь».

Эти толки и подтолкнул затем Александр Солженицын, предвзяв кину Д* (Ирины Медведевой) «Стреля «Тихого Дона» (1974): «23-х-летний дебютант создал произведение на материале, далеко превосходящем свой жизненный опыт и свой уровень образованности (4-х-классный)». Куда предпочтительнее выглядела биография донского писателя Федора Крюкова, он-то и был предложен теперь на роль автора «Тихого Дона». Меньше всего смущает, что 23-летний юноша назван здесь дебютантом, хотя он уже успел напечатать около трех десятков рассказов. Сам Шолохов относился к ним весьма неровно. То говорил, что «Тихий Дон» вырос из «Донских рассказов», то, напротив, уверял, что «нельзя видеть предшественника там, где его нет».

Что делать, с щедрым и самобытным словом в ранних шолоховских рассказах уживаются и схема, и умисел, и дурная монотонность. Так, в рассказе «Двуужная» (1925) автор никак не может удержаться от назойливых повторов. Кто бы куда у него ни уходил, уходит, не оглядываясь.

Сначала это дед Артем, раздосадованный тем, что всю жизнь надрылся, пахал на быках, а трактор увидел лишь в старости: «Указал дед кнутовищем на трактор, рукой махнул горько и, нахлобучив шапку, пошел, не оглядываясь».

Затем Анна таким же способом обрывает разговор с Арсением: «Взбрала в плечи голову Анна, пошла, не оглядываясь».

А там и Александр, ее прежний муж, попадает на накатанную колею: «Тяжело привстал, выпрямился и пошел по тернам, не оглядываясь». И так далее.

В «Тихом Доне», как и следовало ожидать, эта полуболевшая Шолохову подробность появляется сразу же, но без назима, без нежданной нарочитости:

«Григорий, улыбаясь, горячил коня, тот, переступая, тенсил Аксинью к яру. — Пусти, дьявол, вон люди! Увидят, што подумают?»

Она метнула по сторонам испуганным взглядом и прошла, хмурясь и не оглядываясь».

Тут-то и настиг Шолохова впервые злой слух о плагиате.

НЕ НУЖНО быть автором «Тихого Дона», чтобы догадаться: самый грозный окрик пересудов не одолевает. «Злословие даже без доказательств», — предупреждал Пушкин, — оставляет почти вечные следы». Шолохов, однако, всерьез не надеясь, что беспощадная рапповская коллективка избавит его от подозрений в краже готовой рукописи, «переломает ноги», как он изъясню выразился по сходному поводу, его недругам, окоротит беспечных говорунов.

И напрасно. Уже через год после об-

явленной в «Правде» облавы на этих «врагов диктатуры пролетариата» новая волна старых слухов долетела из Москвы до Вёшенской. В начале 1930 года вышел сборник памяти Леонида Андреева, и среди архивных документов здесь оказалось письмо, адресованное 3 сентября 1917 года критику Сергею Глаголю (С. С. Голоушеву). Л. Андреев объяснял своему другу, чем не подходил для газеты «Русская воля» его «путевые и бытовые наброски», которые он называл... «Тихим Доном». И что же? Для заскучавших балаболок вполне хватило одного этого выпорхнувшего названия, чтобы двухтомный к тому времени роман с лета приписать автору забраванного газетного очерка.

Шолохов подкашивался, что виноваты завыски. Да он и сам так думал. «Ведь это же все идет из литературных кругов», — жаловался А. Серафимовичу. И в конце жизни только жестче стоял на своем. «Зависть? — переспросил норвежского профессора Гейра Хьелсто. — Зависть организмованная!»

Конечно, было чему завидовать. Но разве не было завистников у А. Солженицына после триумфа первых публикаций? И разве не кинулись вскоре юркие доброты извипуки его оговаривать? А уж в организации массовой интриги лубянского затыкайники никому бы не уступили. Но, грозя одна ложь на другую, о плагиате не заикнулись ни разу. Понимали: этот вязкий ком отвалился бы сам собою — от первого же солженицынского движения. Потому что в каждом поступке писателя был равен себе и своим книгам.

К ШОЛОХОВУ его ком — прикипел. И он без помощи самого Шолохова.

Не забыть, как глумился он на партийном съезде над Синявским и Даниэлем: «Попались эти молотчики с черной советью в памятные 20-е годы, когда сулили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием», ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора». И поделим Лидия Чуковская напомним тогда в укор Шолохову, «с какой осторожностью, с какой глубиной понимания огромных сдвигов, происходивших в стране, мельчайших движений потрясенной человеческой души» относился автор «Тихого Дона» к «ошибкам, проступкам и даже преступлениям против революции, совершаемым его героями».

Известно, как перекожежил «Тихий Дон» его злосчастный редактор Кирилл Потопов для издания 1953 года. По-хозяйски выкидывал куски авторского текста и вставлял свои, аккуратно приглаживал слишком откровенные для него сцены, вытравил сотни своеобразных донских словечек...

Попробовали бы что-нибудь тронуть в газетной статье Маризиты Шагинян. Нельзя было даже заголовком поместить внутри текста, только сверху. Маризита Сергеевна считала, что иначе ее читатели непременно забудутся на газетной полосе. Читателей, похоже, она выбирала себе самых бестолковых.

И вот — Шолохов. Давний его редактор Юрий Лукин рассказывал мне, что писатель заподозрил недладное лишь на од-

ной из встреч со студентами. Отделавшись по обыкновению шуточкой от каких-то неясных читательских претензий, он спросил затем: «О чем это они говорили?»

Продолжение этой истории я услышал от Натана Эйдемана, которого накануне поразил своей откровенностью Игорь Чернуцан, проработавший долгие годы в аппарате у Суслова.

Летом 1955 года Суслов вызвал И. Чернуцана к себе в кабинет, где уже сидел Шолохов, и напомнил, что времена были сложные и потому в «Тихом Доне» от издания к изданию многое изымалось и переделывалось. И теперь нужно восстановить то, что уже можно восстановить. Вместе с Шолоховым И. Чернуцан отпраздновал в Вёшенской, прожил там больше месяца. По различным изданиям он сводил за день листа два, этот сводный текст перепечатывался на машинке, утром Игорь Сергеевич приносил очередной порцию на подпись Шолохову. И Шолохов подписывал машинкой, не читая.

Вынужденный защищаться, Шолохов то и дело заговаривал о начале своей работы над «Тихим Доном», раз за разом незаметно завышая результат. В автобиографии 1932 года он скромнее всего: «В 1925 году осенью стал писать «Тихий Дон», но после того, как написал 3-4 печатных листа, — бросил... Показалось, не под силу...» Но уже в интервью корреспонденту «Известий» в 1937 году 3-4 листа превращаются в 5-6, а в беседе со шведскими студентами в 1965 году — в 6-8. Сказывалась охотничья натура.

Кончилось тем, что Лев Колондний напечатал в «Московской правде» этот набросок. И он не тянет даже на пол-листа. Но главное: едва началось повествование, как раздается дежурный вопрос: «За што воюем?» И снова: «Скажи, за что воюем?» Как будто и не «Тихий Дон» перед нами, а какой-то из ранних, насквозь политизированных шолоховских рассказов.

Обернулись против Шолохова даже невинные мужские забавы. Открывая музей в его довоенном доме, вешенцы наперебой рассказывали о любимом развлечении хозяина. Напояв гостей до бесчувствия, их укладывали спать во дворе на телеге. Затем тихонько, чтобы не разбудить спящих, телегу на руках спускали к Дону и затаскивали в воду. Само же шутники прятались на берегу в кустах. То-то было смеху, когда дорогие гости, по нужде продрав глаза, начинали метаться в отчаянии посреди реки, ничего не соображая...

Хорош, ничего сказать, автор «Тихого Дона», метаясь прямоиком в байку к деду Шукарю!

РЕПКО вредили Шолохову и его преданные поклонники. Один заходил в восторге: «Творческая история... романа... беспримерная... Эпический замысел... необычайной величествен». Другой живо подхватывал: «Тихий Дон» есть «Илиада» нашего века». Сколько понаписано ими о несмысленной достоверности «Тихого Дона» — исторической, хронологической, топографической, бытовой... Прочитай пространную работу о «грандиозном историзме» шолоховской эпопеи, Н. Эйдемман повторил потрясенно: «Это удивление в объятиях».

А ведь знали лукавцы, что вопиющая несообразность обнаружилась уже в первой сюжетной фразе «Тихого Дона»: «В

последнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий». По-настоящему, что речь идет о русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Но для тех, кто не понял, дальше будет подказка: «Дед Гришака топтал землю шестьдесят девять лет. Участвовал в турецкой кампании 1877 года...» Был односумом с Прокофием Мелеховым...» Прокофий Мелехов привел с войны жену — пленную турчанку, года через два она, умирая, родила мальчика — Пантелея Прокофьевича. Он-то и станет отцом Петра, Григория и подрастающей Дуняшки. Григорий уходит на военную службу в 1913 году. Значит, он родился не позже 1894 года. Петро старше на шесть лет, то есть в свою очередь родился не позже 1888 года. К этому времени его отцу, Пантелею Прокофьевичу, не бежало бы от силы лет 7-8. А матери, конечно, и того меньше.

Теперь зайдем с другого конца: «Пантелей рос исчерна-смуглым, бедовым. Схож был на мать лицом и подобристой фигурой».

Женил его Прокофий на казачке — дочери соседа.

С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись на хуторе горбоносые, диаво-красивые казаки Мелеховы, а по уличному — турки».

Сколько же было этих «горбоносых, диаво-красивых» казаков? Ну, Григорий. А еще? Петро явно отпадает: «курносый, в буйной повелости пшеничного цвета волос», Дуняшка — тем более. Мог бы, правда, к Григорию присоединиться отец, но почему-то — не по жизни, а по письму — турецкая кровь начинает скрещиваться с казачьей лишь после его женитбы.

Допустим все же, что двое с грехом пополам отыскались. А хотя бы кто-нибудь третий? Нет, третьего не дано.

На элементарной хронологии Шолохов споткнулся и тогда, когда придумал откровенно фельетоное столкновение Григория с «особой императорской фамилии». События развивались так. Из глазной лечебницы доктора Снегирева Григория выписали «в последних числах октября». В Москве он никак не мог задержаться, раз «в ночь на 4 ноября» уже дошел от станицы Миллерово до Вёшенского юрта.

Но Шолохов решил втиснуть безобразную госпитальную сцену между выпиской Григория из лечебницы и отъездом из

Задача была сложная, и, в общем, Шолохов ее не одолел. Его критики даже облюбовали в «Поднятой целине» несколько мест, которые, казалось бы, свидетельствуют о катастрофической беспомощности писателя. Вот одно наудачу:

«По плану площадь весенней пахоты в Гремьяч Логу должна была составить в этом году 472 гектара, из них 110 — целины. Под зябь, осенью было вспахано — еще единоличным порядком — 643 гектара, озимого жита посеяно 210 гектаров. Общую посевную площадь предполагалось разбить по хлебным и масличным культурам следующим порядком: пшеницы — 667 гектаров, жита — 210, ячменя — 108, овса — 50, проса — 65, кукурузы — 167, подсолнуха — 45, конопли — 13. Итого 1325 гектаров плюс 91 гектар отведенной под бахи песчаной земли, простиравшейся на юг от Гремьяч Лоба до Ужачиной балки».

Конечно, это не проза, а недоразумение. Ничего подобного не было даже в самых первых рассказах. И если Шолохов включил в роман откровенную абракадабру, то, надо думать, намеренно. Но зачем? По-видимому, он хотел отослать читателей к столь же непрожеванным местам из «Тихого Дона», чтобы таким парадоксальным образом лишний раз заявить на него свои права.

Срыв «Поднятой целины» понятен. Та же участь постигла бы и «Тихий Дон». Если бы автор заранее обязался удружить власти. Баланс, однако, не обескураживал «Тихий Дон» написан без помех и напечатан, а впереди — жизнь.

ТАК И ПОВЕЛОСЬ: не закончив «Тихий Дон», Шолохов пишет «Поднятую целину»; начинает «Они сражались за Родину». Начинает еще посреди войны, имея в запасе более сорока лет. Но их все равно не хватит.

В 1965 году, через неделю после известия о Нобелевской премии, Ю. Лукин разыскал Шолохова на охоте в казахстанской степи. «...День 15 октября для меня оказался удачным во всех отношениях, — благодумствовал писатель, — с рассветом я хорошо потрудились над главою из первой книги романа, главой, которая мне чертовски трудно давалась (приезд к Николаю Стрельцову его брата-генерала, прототипом для образа которого мне послужили жизнь и боевые дела генерала М. Ф. Лукина), вечером узнал о присуждении премии и на вечерней охоте двумя выстрелами (единственными за зорю) сбил двух превосходных серых гусей».

Шолохов собирался в Стокгольм и пообещал, что вскоре после возвращения закончит первую книгу трилогии. Своё обещание он выполнил лишь спустя три года, да и то частично. Была напечатана та самая глава, над которой нобелевский лауреат «хорошо поработал» в такой удачный для него во всех отношениях день. И эта публикация оказалась вообще последней для Шолохова-художника.

Большой радости она, к сожалению, не принесла. Писатель откровенно повторялся, уступая себе самому.

В «Поднятой целине», например, было: «Без шапки, пиджака — вынашу, хозяйин вышел на крыльцо...»

Теперь стало: «Без шапки Стрельцов вышел на крыльцо».

Как прочитать эту фразу, чтобы не слышать привычной рифмы?

Недавно выяснилось, что последняя шолоховская публикация подверглась еще и жесткой цензурной правке.

Конечно, правили всех — в открытую, без стеснения. Помню Евгения Евтушенко на трибуне писательского съезда летом 1971 года. Он читал свою речь как прокламацию — всем телом, снова и снова далеко в сторону отводя руку, будто сделанно и торжественно глядя большую длинную собаку:

— Мы — дети XX съезда... Не скажу, можно ли было тогда еще упоминать в массовой печати антигистинский XX съезд, но выделять нельзя было точно. И родная «Литературка» строго одернула фрондера, с неуклюжей итновостью намекнув, как на самом деле он появился на свет: «Мы — дети партийных решений...»

— Не уважаю тех писателей, — гремел поэт, — которые тротчат в газету плохонькие стихи о Вьетнаме и в то же время не слышат стога собственного соседа за стеной.

...когда он болен», — лукаво закончила «Литгазета».

Вскоре, правда, речь Евгения Евтушенко была воспроизведена без искажений в издании стенографического отчета съезда. Теперь наконец восстановлен и текст Шолохова. Восстановлено даже то, что он, возможно, восстанавливать и не стал бы. Например, появилась фраза: «Иван Степанович по-женски вступил кучими своими руками». Но в другом месте уже сказано то же самое о Петре Лопахине: «Видя, что Николай хмурится, Лопахин прятал кулацо, сильную руку». Да и вообще звать это из «Поднятой целины», где у Давыдова «куцые сильные руки», а у Осипа Кондратько «куцые, сильные ноги». Или прямо из «Тихого Дона», где есть и «куцые сильные руки», и отменно «куца», но сильная рука».

Но вернемся в 1968 год. Шолохова тогда искромсали не только без его согласия, но и без его ведома. А ведь — член ЦК, депутат и академик, живой классик, сталинский, ленинский, нобелевский лауреат... Впрочем, поражаешься нечему. Несмотря на строптивость писателя, на Старой площади с ним давно уже обращались, как с завоinary игрушкой.

Секретарь ЦК КПСС Ильичев сохранил машинписку выступлений Шолохова в марте 1965 года на открытии II съезда писателей России. На первой странице — дарственная надпись:

«Л. Ф. Ильичеву, дорогому другу и автору сей речуцы, — с поклоном и благодарностью».

М. Шолохов

Р. С. Аполлоисменты — пополам: мне, как исполнителю, тебе, — как автору.

М. Ш.

Вряд ли сам Ильичев писал «сию речуцу». Скорее всего, какие-нибудь безымянные негры из недр партийного аппарата. А Шолохов не только послушно озвучил их тошнотворную стряпню, но и... включил ее в Собрание своих сочинений.

В то самое Собрание, которое открывается «Тихим Доном».

В. РАДЗИШЕВСКИЙ